

*Посвящается Надежде Гродзовской,
прекрасной и удивительной во всех отношениях.*

Мне день и ночь покоя не дает
Мой черный человек.

*Александр Пушкин
«Моцарт и Сальери»*

Когда Данилов приехал домой, его жена уже умерла.

Он не понял, что она умерла.

Он пытался ее оживить.

Он совал к мертвым сизым губам стакан с водой. Вода лилась по щекам и закинутой шее, размывала кровавые пятна на очень белой блузке. Почему-то потом ему вспоминались не пятна, а именно эта, очень белая, неправдоподобно белая блузка.

Он пытался посадить ее, а она заваливалась набок, рука падала ему на шею, и он был уверен, что она живая, эта рука, мертвая не может так падать. Рука умоляла его — я жива, я здесь, спаси меня.

Он лупил ее по щекам, чтобы она очнулась. Он по-дилетантски делал ей искусственное дыхание — он не умел его делать и все-таки делал. Он тряс ее за плечи — голова болталась, как у клоуна Пафнутьича, которого маленькому Данилову подарили на день рождения, и он сразу оторвал ему голову. Спереди из головы торчали белые нитки, а сзади она осталась приделанной к туловищу и с тех пор качалась. Так, как у его жены, когда она умерла.

Потом он все-таки понял, что она мертва. Вернее, разрешил себе понять. И тогда он стал звонить по телефону, по всем известным с детства номерам — 03, 02, 01, плохо соображая, что делает, и надеясь, что это как-то ее спасет. Трубка липла к ладони, и он не

сразу осознал, что она липнет, потому что на его ладони высыхает кровь.

Кровь его жены.

Он звонил и держал ее, не давая упасть назад, на диванные подушки. Он думал, что, если она упадет, будет еще хуже. Хотя куда уж тут хуже!

Вскоре кто-то приехал. Не зря же он звонил по всесильным номерам.

Его жену подняли и сунули на носилки, как будто она была вещь. Никому не нужная, ни к чему больше не пригодная сломанная вещь, с которой, однако, приходится возиться, прежде чем отправить ее на помойку. И как только ее положили на носилки, Данилов сразу понял — то, что лежит на сером потрескавшемся дерматине, не его жена. Не может быть его женой. Зря он так старался оживить ее. Нечего было оживлять. Осталось просто тело, когда-то принадлежавшее его жене, — это он понял очень отчетливо.

Он не верил ни в загробную жизнь, ни в переселение душ, ни в бога, ни в черта. Он верил в молекулы, элементарные частицы и химические процессы.

То, что жена ушла и оставила ему собственное тело, скрюченное и залитое кровью, не имело отношения к химическим процессам. Но это было так очевидно, что Данилов долго не мог сообразить, чего от него хотят приехавшие вслед за «Скорой» усталые мужики в милицейской форме. Им было наплевать на Данилова, они не понимали, что от него только что ушла жена, и называли ее «потерпевшая», и рассматривали кровавые пятна на ослепительно белой блузке, и ползали по ковру, и искали какие-то гильзы, и мерили расстояние строительной рулеткой, и звали соседей, которые толпились в дверях, жадно глазели и стыдились того, что глазуют так жадно.

Данилова о чем-то спрашивали, он отвечал или не отвечал, он так и не мог вспомнить, и, наверное, тут ему и пришел бы конец, потому что мужики в форме

были почему-то уверены, что Данилов сам застрелил свою жену.

Его спас гаишник.

Гаишник, которого Данилов ненавидел целых полчаса. Он остановил Данилова на Садовом кольце и долго вертел в толстых от коричневых перчаток пальцах его права, а потом потребовал отцепить от ветрового стекла талон техосмотра и его тоже долго вертел. Потом велел Данилову открыть капот, и светил в него, и елозил животом по грязному боку машины, рассматривая что-то внутри капота, и в конце концов обнаружил, что у «девятки» оторван правый брызговик, и пошел в свою машину, унижительно поманив Данилова за собой, и долго писал что-то, и отказывался от денег, которые Данилов совал ему.

Данилов замерз, устал, ему очень хотелось домой — снять отсыревшие за день ледяные ботинки, влезть в ванну и съесть наконец супу, о котором он мечтал с обеда. Гаишника он ненавидел горячо и остро, и этот гаишник спас его.

Оказалось, что Данилов никак не мог застрелить жену именно потому, что валандался на Садовом кольце с бдительным гаишником, который подтвердил — да, валандался.

И все. Все.

Никого, конечно, не нашли. А может, и не искали.

Для Данилова это не имело никакого значения.

«Ты, ты убил ее! — кричала на похоронах мать его жены и плевала в него. — Ты во всем виноват, убийца, иуда!» Ее оттаскивали от Данилова за рукава, но она рвалась из шубы и наконец вырвалась, побежала, ее снова перехватили, а она все кидалась, превращая похороны в потасовку.

Ему было все равно. Он смотрел на снег и думал — куда-то она ушла? Вечная ее манера — пропадать, исчезать, заставляя волноваться о себе! Теперь ее искать не надо. Теперь она ушла навсегда.

С тех пор всегда, когда шел снег, Данилов чувствовал беспокойство сродни тому, когда нужно бежать, а куда, зачем — не вспомнить. Снег шел, а он все вспоминал, нервничал и уговаривал себя не нервничать, потому что его мозг понимал, что бежать некуда, но в душе была тревога.

Так было до тех пор, пока однажды Данилов не получил длинный белый конверт.

Конверт принесли вместе с почтой. Почта называлась утренней, но почему-то ее приносили Данилову в середине дня. В конверте оказалась четвертушка бумаги с одним-единственным предложением: «Убийца должен быть наказан, пощады не будет».

Данилов прочитал, сморщился, скатал из четвертушки плотный шарик и метнул его в корзину. Шарик пролетел мимо и неслышно приземлился на ковер. Некоторое время Данилов смотрел в окно, потом подобрал шарик и сунул его в стол.

Не переставая шел снег.

Он открыл дверь в свою квартиру и сразу, еще не войдя, нашарил на правой стене выключатель и зажег свет. Сердце колотилось, мешая дышать, взмокли ладони и спина.

Он ненавидел этот момент — когда нужно войти в квартиру. Иногда он даже курил на лестнице, просто потому, что не мог себя заставить сделать последний шаг.

Вставить ключ, повернуть, распахнуть дверь, зажечь свет, войти и оглядеться.

Прошло много лет. Квартира давно не та, и дверь не та, и жизнь не та, но худшим моментом в его жизни осталось возвращение домой. Ничего хуже он не мог себе представить.

Свет зажегся сразу везде. Данилов специально сделал выключатель у входной двери так, чтобы свет зажигался сразу во всей квартире, кроме спальни, ко-

торая от входа не видна, но и это не слишком помогало. Он еще помаялся на пороге, переложил из руки в руку портфель и наконец вошел, сделал этот проклятый последний шаг. И закрыл за собой дверь.

Что-то не так. Что-то случилось.

Шее стало тесно в воротнике рубахи от того, что сердце метнулось к горлу, и замерло в нем, и разбухло так, что воздуху было не прорваться. Пот потек по виску.

Запах. Станный, посторонний.

В мозгу возникла яркая картина: ослепительно белая ткань и неровные, очень красные пятна, как хищные тропические цветы.

Данилов попытался вздохнуть и не смог.

— Ну что ты там стоишь? — спросили из комнаты недовольно. — Ты что, умер?

Сердце в горле еще раз ударило и разорвалось на мелкие клочки. Оказалось, что это было никакое не сердце.

Данилов судорожно вздохнул и вытер висок. На перчатке остался мокрый след — след его позорной паники.

— Я просил тебя звонить, когда ты собираешься приехать, — сказал он чужим от недавней паники голосом. Постоял и стал снимать ботинки. — Почему ты не позвонила?

Марта показала в дверях. Она моргала, как будто ослепленная светом сова, одна щека у нее была краснее другой, а сзади по полу волочился плед.

— Я звонила. — Она зевнула и прикрыла рот пледом. — Сначала ты уехал, потом еще не приехал, а потом совсем уехал. Это терминология твоей секретарши. По-моему, ее нужно уволить.

— Уволю, — пообещал Данилов, — пойдешь на ее место?

— Что я, с ума сошла? — спросила Марта обиженно. — Кстати, у моей подруги дочка университет

закончила, возьми ее на работу. А, Данилов? Она девочка сообразительная, хорошенькая, по-английски понимает.

— Как собачка, — уточнил Данилов, еще не отошедший от давешнего потрясения, — все понимает, только сказать не может?

Марта подошла к нему, подобрав плед, как английская королева шлейф во время парада гвардейцев перед Букингемским дворцом. Неизвестно почему, Марта часто напоминала Данилову английскую королеву.

— Ну прости, — сказала она, рассматривая его лицо, — я не хотела тебя пугать. Я ждала, ждала, ужин приготовила, а потом уснула. Что-то я устала сегодня.

— Ничего, — вежливо ответил Данилов, — все в порядке.

Он всегда старался быть вежливым. Мать считала, что самое главное — это умение себя вести, что бы ни происходило в жизни.

Умение себя вести и самоконтроль. Ежеминутный. Жесточайший. И так с трех лет.

Он улыбнулся Марте, подобрал с пола портфель и пошел в спальню.

— Ты будешь ужинать? — в спину ему спросила Марта.

— А если бы я с Лидой приехал? — Он оглянулся от двери в спальню.

Хоть бы раз, подумала Марта, хоть бы раз он снял пиджак по дороге, а не за закрытой дверью. Или галстук развязал, что ли. Нет, никогда.

— Объяснил бы ей, что я твоя сестра, о существовании которой ты ничего не знал. Как в сериале. Она смотрит сериалы?

— Наверное, смотрит, — подумав, ответил Данилов. — Извини, мне нужно переодеться.

— Какой Версаль, — пробормотала Марта. Швыр-

нула свой плед в ближайшее кресло и побрела на кухню.

Данилов всегда так разговаривал, и время от времени ее это раздражало. Сегодня особенно, потому что она нервничала и не знала, как скажет ему об этом.

Как?!

Он приехал такой усталый, такой обыкновенный, такой всегдашний Данилов, которого она знала уже пятнадцать лет, и вся ее решимость лопнула как мыльный пузырь.

Может, не говорить?

Она думала всю ночь и еще весь день, сидя на работе и сосредоточенно глядя в компьютер.

«Работаете? — игриво поинтересовался шеф, проходя мимо. — Это правильно. Работайте много, и вам воздастся».

Ему самому давно «воздалось» — «БМВ» был самой последней модели, и жена со чадами и домочадцами проживала в мирном городе Лондоне, не мешая отцу и супругу в его многотрудном деле добычи денег. Марта работала много, но ей почему-то до «БМВ» и города Лондона было далеко. Видимо, все-таки не всем воздается одинаково.

Или сказать?

Хуже всего то, что она даже представить себе не могла, как отреагирует Данилов на ее сногшибательное сообщение. Скорее всего скажет в своей обычной манере: «Очень хорошо», и ей придется после этого повеситься.

Повздыхав, Марта зачем-то передвинула кастрюли на сверкающей эмали плиты. У Данилова было две кастрюли — красная и белая. Когда Марте приходило в голову поразить его воображение каким-нибудь кулинарным шедевром, приходилось изобретать совершенно дикие технологии. Технологии — это было его слово.

Например, в прошлый раз она запекала мясо в

керамической миске, поскольку обе кастрюли, и белая, и красная, оказались заняты. Миска почему-то не треснула и не сгорела, а мясо получилось превосходным, и Марта решила, что придумала совершенно новый способ приготовления свинины.

— Данилов, ты ужинать будешь? — крикнула она, задрав вверх голову, и прислушалась. Из спальни не долетало ни звука. — А, Данилов?

— Да, спасибо, — сказал он совсем близко, и Марта вздрогнула. — Ты остаешься ночевать?

Она пожала плечами, глядя, как разгорается огонь под красной кастрюлей.

— Если остаешься, я открою вино.

— Я вполне могу тяпнуть и поехать.

— Нет, — сказал Данилов твердо, — не можешь. Снег, дороги очень плохие.

— Наплевать на дороги, — пробурчала Марта. — Давай свое вино, Данилов.

— Значит, остаешься, — подытожил он. — Что у нас? Мясо или рыба?

К рыбе полагалось белое вино, а к мясу красное. И никогда наоборот.

Правила есть правила. Запивать шампанским картошку — преступление. Локти на столе — ни в коем случае, даже дома. Пиво из горла — отвратительно.

— У нас рыба, — проинформировала Марта, — я с ней возилась целый час. Постарайся выразить что-то вроде восхищения.

— Постараюсь, — пообещал Данилов. Подумал и добавил: — Я всегда очень благодарен тебе за твои усилия. Спасибо.

— Пожалуйста.

Он осторожно вытащил пробку и посмотрел на Марту.

— Что с тобой? Ты чем-то расстроена?

— Ничем я не расстроена.

— Работа? Или... Петя? Он в Москве?

— Улетел, — сообщила Марта, — на три дня. Скоро прибедет. Просил не скучать.

— А ты скучаешь? — спросил Данилов рассеянно. Ну как с ним разговаривать? Как?!

Марта сердито уселась за стол, немедленно поставила на него локти и залпом выпила полбокала. Вернее, не бокала, а того количества вина, что Данилов налил ей.

Данилов молча смотрел на нее.

— Я беременна, — выпалила она и допила вино. — Наливай еще.

Данилов ничего не понял.

— Ты... что?

— Я ничего, — ответила Марта злобно, — со мной все отлично. Я в интересном положении. Жду ребенка. С женщинами время от времени такое случается.

Данилов подлил ей вина. И себе подлил тоже.

— Я поздравляю тебя, — сказал он растерянно, — это хорошо. Это хорошо, да?

Хорошего было мало.

Ему не нравился ее Петя, не нравился его образ жизни, не нравилось его отношение к Марте. Ничего не нравилось.

Петя любил сало, жареную картошку и, подвыпив, заставлял всех петь хором «на тот большак, за перекресток». Кроме того, он писал стихи и декламировал их при каждом удобном и неудобном случае. В особо патетических местах голос у него дрожал и срывался — «от чувств-с», как говорил дед Данилова, когда рассказывал про очередную защиту очередной докторской, на которой ему приходилось присутствовать. Марту Петя интимно прижимал к своему боку, слегка трепал по коротким волосам и говорил задушевно, что ему «никогда не везло с женским фактором и вот наконец-то повезло».

Впервые увидев Петю, Данилов весь вечер молчал, а на следующий день спросил у Марты, откуда она взяла этого орангутанга.

Марта раскричалась и разобиделась.

«Мне надоели аристократы со следами вырождения на физиономиях, — кричала она, — мне надоели игры в высший свет! Я недавно была на одной вечеринке, там все были из «Маккензи» и «Андерсен Консалтинг»! Я думала, что сдохну от их чванливых постных морд и рассуждений о карьере! Бизнес требует, бизнес пошел, бизнес не пошел!.. Сопляки в дорогих галстуках, клерки, а морды, а речи — как будто они воротились с Уолл-стрит! Вилки научились держать и уверены, что лучше всех!»

«А Петя? — спросил Данилов. — Он вилку не умеет держать и этим чрезвычайно горд, верно?»

После этого они не разговаривали, наверное, недели две, что случилось с ними первый раз в жизни. Потом Данилов не выдержал, позвонил и помирился.

А теперь вот оказывается, что она беременна.

Конечная станция. Дальше рельсов нет, господа пассажиры. Покорнейше просим выйти.

Марты Черниковской в жизни Данилова больше не будет.

— Когда ты об этом узнала? — спросил он сосредоточенно, как будто это имело значение.

— Вчера.

— А... Петя знает?

— Петя не знает. Давай я положу тебе рыбу, Данилов.

— Спасибо.

Некоторое время они вежливо жевали, стараясь не встречаться глазами. Потом Данилов подлил вина и вдруг спохватился:

— А тебе можно?

— Что? — спросила Марта и перестала жевать.

— Вино.

— Данилов, мне нельзя напиваться в стельку каждый день. Не в стельку и не каждый день — можно. Ты что? Теперь станешь обо мне заботиться?

Данилов пожал плечами:

— Стану.

— Ты и так зануда, Данилов, — пробормотала Марта. — А уж если начнешь проявлять заботу, я от твоего занудства погибну.

Странное дело. Необыкновенная, купленная в супермаркете форель, на которую Марта потратила чертову уйму времени, не имела никакого вкуса, как вываренная в супе капуста.

Может, у нее в организме уже начались необратимые изменения из-за беременности? Вчера, когда она не знала об этом, никаких изменений не наблюдалось.

Все дело в Данилове. В его вежливости, занудстве, сдержанности и правиле ни о чем не расспрашивать.

Если бы Марта узнала, что он беременный, она бы от него не отстала. Она бы выведала все, во всех подробностях.

К несчастью, все было наоборот. Марта фыркнула и закашлялась. Данилов — ясное дело! — немедленно вскочил, готовый в любую секунду прийти на помощь.

— «Скорую» пока не вызывай, — кашляя, попросила Марта, — может, еще рассосется.

Он сел с той же готовностью, с какой только что вскочил. Марта перестала кашлять и посмотрела на него печально.

За пятнадцать лет дружбы она так и не смогла понять — то ли он патологически равнодушен к людям и к ней в том числе, то ли умеет слишком хорошо скрывать свои чувства и заметить их со стороны вряд ли вообще возможно, то ли трусит так, что строительство оборонительных сооружений стало главной целью его жизни.

Все получилось именно так, как она и предполагала, и, видимо, ей все-таки придется сегодня повеситься.

Данилов аккуратно положил на тарелку приборы, оценил и переложил как-то еще более аккуратно.

— Ну и что, — спросил он, — вы теперь поженились?

— Мы — это кто? — уточнила Марта.

Данилов посмотрел на нее. Глаза у него были очень черные. Почему-то раньше она была уверена, что черные глаза — это признак темперамента, горячего, страстного, южного.

Ошиблась.

— Вы — это ты и твой Петя.

— Не знаю, — сказала Марта. Она и вправду не знала. — Вообще-то я уже большая девочка. Можно и замуж сходить.

— Сходи, — согласился Данилов.

Вот это разговор. Всем разговорам разговор. Пойди сходи — и все тут.

— И пойду, — ответила Марта упрямо.

Теперь ей захотелось плакать. Так сильно, что она не успела ничего с собой сделать, чтобы позорно не зареветь. Глаза моментально налились слезами.

Нельзя, чтобы Данилов заметил. Никак нельзя.

Она выскочила из-за стола, оставив его недоумевать, промчалась по коридору и немного постояла у входной двери, сильно и часто моргая. Ей было очень жалко себя и еще больше — ребенка. Неизвестно, почему ей было его жалко, вроде ничего такого не происходило, но тем не менее ей было жалко именно его, такого маленького и непонятного, о существовании которого она еще три дня назад и не подозревала.

Конечно, Данилов не пошел за ней. Он ни за что не поставил бы ее в неудобное положение.

Кретин.

Марта загнала обратно слезы, посмотрелась в вы-

сокое узкое зеркало, которое она недавно купила и заставила Данилова повесить, и вернулась в кухню.

— Мне показалось, что у меня сотовый зазвонил, — сказала она Данилову. — Как тебе рыба?

— Очень вкусно, спасибо. — Данилов не любил рыбу, но всегда считал своим долгом всех хвалить и благодарить. На столе перед ним лежала пачка сигарет и одна сигарета — отдельно.

— Можно я закурую? — спросил Данилов. — Или тебе это неприятно?

— Мне приятно, — уверила его Марта, — самое большое счастье в моей жизни, когда ты куришь в моем присутствии.

— Я только хотел узнать, — пробормотал Данилов, — не вредно ли это. Для ребенка...

— Полезно! — бодро откликнулась Марта. — Если мы будем его постепенно приучать, может, он даже родится с бычком во рту.

Он посмотрел на ее узкую прямую спину.

Марта шуровала у плиты, со звоном кидала вилки в посудомоечную машину. Чайник уже вовсю посапывал — когда только она успела его поставить?

Данилову было так грустно, что жить не хотелось.

Почему-то ему никогда не приходило в голову, что рано или поздно так все и случится — очередной Петя, которых на глазах у Данилова сменился десяток, решит, что «женский фактор» в лице Марты ему очень подходит, а Марта решит, что ждать больше нечего, и все закончится.

Она перестанет звонить ему на работу — «просто так».

«Я звоню просто так», — всегда говорила она, когда он спрашивал, какое у нее к нему дело. Перестанет заезжать по вечерам без предупреждения, чего он терпеть не мог. Вернет ему ключи, заберет со стойки свои компакт-диски с блюзами, Леонардом Коэнном и полоумным Гариком Сукачевым — Данилов не

любил ни блюзов, ни Коэна, что уж говорить о Сукачеве! Перестанет поражать его воображение кулинарными изысками — «Данилов, это греческий салат, но брынзы не было, и я сунула в него пармезан». Перестанет задумчиво клацать длинными ногтями по клавиатуре его компьютера по субботам — «Данилов, у меня экзамены на носу, так что сегодня ты готовишь». Она то и дело сдавала какие-то экзамены.

«Чистая дружба», продолжавшаяся пятнадцать лет, закончилась.

Конечно, некоторое время они будут продолжать созваниваться, и она станет рассказывать ему об очередных Петиных бизнес-затях, одна другой хуже, потом родится ребенок, похожий на папочку, и Марта будет его растить, а это дело небыстрое, насколько Данилов мог судить, и постепенно все исчезнет само собой.

Изменить ничего нельзя.

Диалектика, закон природы, как формулировал преподаватель истории Ефим Эммануилович по прозвищу Фима Собак.

— Тебе чай или кофе?

Он посмотрел на нее. У него были очень черные, очень печальные, недоумевающие глаза, как у неожиданно заболевшей собаки.

— Кофе, спасибо. Ты бы присела, Мартышка. Я вполне в состоянии сам налить себе кофе.

— А мне? — спросила Марта. — Мне ты в состоянии налить?

Он называл ее Мартышкой примерно раз в пять лет.

Он варил кофе, молчал и один раз так громко вздохнул, что Марта посмотрела на него с удивлением.

Он был в мягком черном джемпере и серых брюках со стрелками — в собственной квартире в девять часов вечера! Темные волосы, синяя от дневной ще-

тины щека — Марта видела только одну его щеку, — длинные ресницы, чистая кожа.

Аристократ. Белая кость, голубая кровь. Или наоборот, что ли? Голубая кость и белая кровь?

Впервые увидев его родителей, Марта моментально почувствовала себя замарашкой, с разгону влетевшей в герцогские покои в погоне за поросенком, сбежавшим с кухни.

«А где вы живете, милая?» — спрашивала его мать, и Марта готова была сгореть со стыда. Следовало отвечать, что она живет в Беверли-Хиллз или, на худой конец, на Монмартре, но так ответить Марта не могла, поскольку жила в Кратове и, когда ленилась ехать, оставалась у Данилова ночевать. «А где вы служите, милая?» — продолжала мать, и страдания Марты росли пропорционально изменению тона — с вежливого на холодный, с холодного на ледяной.

Марта никоим образом не подходила Данилову, а объяснить королеве-матери, что она не претендует на кронпринца, Марта не могла. Не скажешь же просто так — вы знаете, я иногда живу у вашего сына, но это не то, что вы думаете. У нас пионерско-братская привязанность друг к другу, основанная на взаимоуважении, сходном чувстве юмора и «полном отсутствии всякого присутствия», как это называла Марта.

Никакого секса. Никакого кокетства ни с одной, ни с другой стороны. Никаких претензий друг к другу. Никаких обязательств и вопросов, что делать и кто виноват.

Когда-то ей хотелось, чтобы все сложилось по-другому, а потом перестало хотеться.

Он был трудный человек. От одних его правил можно сойти с ума. Его молчание могло означать все, что угодно, а он только и делал, что молчал. В его присутствии хотелось выпрямить спину, немедленно убрать со стола локти, проверить, чисто ли вымыты руки, и, проделав все это, моментально смыться.

Никто не хохотал, не говорил громко, не чавкал, не пел, не болтал, не стучал вилкой по стакану, не задавал глупых вопросов, не гонял по компьютерному полю супермена, выкрикивая «давай-давай!», не надувал пузыри из жвачки, не матерился, не разваливался в кресле, не рассказывал анекдотов, пока в поле зрения был Данилов.

Как будто это был не Данилов, а гроб с покойником.

— Может быть, хочешь чаю? — спросил он, заботливо наклоняясь над ней, и Марта очнулась. — У меня есть какой-то чай из трав.

— Не какой-то чай из трав, — поправила она, — а успокоительный сбор, Данилов. Я его привезла две недели назад. И я не хочу чай из трав. Я хочу кофе.

— Тебе точно можно?

— Господи, — в сердцах проговорила Марта, — как это жена жила с тобой столько лет!

И перепугалась. Они никогда не вспоминали о его покойной жене.

— Всего три года, — поправил ее Данилов и улыбнулся, — не пугайся, пожалуйста. Я не стану бледным и мрачным от одного упоминания о ней и не стану курить сигареты одну от другой. Я же не герой сериала!

«Ты не герой сериала, — подумала Марта быстро, — но я видела твое лицо, когда ее хоронили».

Он был совершенно один, хотя толпа была огромной. Его родители из Америки прислали соблезнования и элегантный веночек, а друзей у него не было никогда. Шел снег, такой же, как сейчас, но Данилов был в темных очках. Он снял очки, когда сел к ней в машину, и Марта увидела его лицо.

Прошло пять лет, а Марте иногда казалось, что пять дней.

Когда он женился, ему было тридцать. Когда спустя три года ее хоронили, Данилову стало шестьдесят.

— Тебе не нужна помощь? — спросил Данилов,

аккуратно глотнув кофе. — Я имею в виду деньги. Или врачи?

— Я беременная, а не тяжелобольная, — буркнула Марта, — а денег у меня своих навалом.

Это была неправда, но она никогда не брала у него деньги, даже в самые трудные времена. Лучшая подруга Инка фыркала и плевалась.

«Ты просто ненормальная, — говорила она, — с паршивой овцы хоть шерсти клок. Раз уж он на тебе не женится, пусть деньги дает».

Природа их «высоких отношений» практичной Инке была недоступна. Впрочем, не ей одной.

— Как хочешь, — сказал Данилов, — просто на всякий случай знай, что я всегда готов тебе помочь. Чем угодно.

— Я тебя найму сидеть с ребеночком, — пообещала Марта.

— Боюсь, что дорого тебе обойдусь. — Он улыбнулся. Вернее, улыбнулись его губы, а сам Данилов и не думал улыбаться. — Ты все-таки подумай про врачей и позвони мне. Хорошо?

— Хорошо, — согласилась Марта, зная, что ни про каких врачей думать не станет. Ей и без врачей есть о чем подумать. — Ты убираешь посуду, — добавила она поспешно, — ты убираешь посуду, а я буду валяться на полу и смотреть кинематографические фильмы.

— Там есть немного новых кинематографических фильмов, — он кивнул на стойку с кассетами и подтянул кашемировые рукава, чтобы удобнее было мыть посуду.

— Данилов, ты особенно-то не усердствуй, — сказала Марта, — посуду в этом доме моет посудомоечная машина. Ты что-нибудь об этом знаешь?

Она сидела на полу, на круглом тибетском ковре, который отец подарил Данилову на день рождения. Родители любили дарить ему что-нибудь в этом духе.

Статуэтку Будды, искусно вырезанную из слоновой кости. Шелковое покрывало из Кайруана. Нефритового дракона с оскаленной остекленевшей пастью. Глиняный кувшин ручной работы. В год по одному подарку. Раньше было по два — еще один на годовщину свадьбы.

На одном из подарков теперь сидела Марта, скрестив длинные ноги в безупречных черных колготках. Платье тоже было черным и безупречным, немножко измятым, потому что она заснула в нем, дожидаясь Данилова. Он видел ее спину — прямую и тонкую, и прямые плечи, и сильные руки, обтянутые плотными рукавами платья.

Он давно привык считать все это — своим. Несмотря ни на что. Несмотря на Петю и его предшественников. Несмотря на пятнадцать лет, в которых чего только не уместилось. Несмотря на его женитьбу. Несмотря на Лиду.

Как раз Лиду он никогда не считал своей.

Марта Черниковская — чужая жена! Мать какого-то непонятого ребенка.

Она больше не будет спать у него на диване и клацать по клавиатуре компьютера. Просто ей станет некогда, и в ее жизни появятся вещи гораздо более важные, чем Данилов. Все правильно. Не могло же это вечно продолжаться.

Но он-то думал, что будет продолжаться. Вернее, он об этом вообще не думал.

Загрузив машину, которая тут же бодро загудела, Данилов вытер руки льняным полотенчиком и бросил его в специальную корзину для полотенчиков. И улыбнулся. Марта поставила «Звездные войны», какой-то там эпизод. Он купил эти «Войны» специально для нее. Сам он предпочитал Гринуэя и Кустурицу.

Телефон выдал переливчатую руладу, и Марта, не оборачиваясь, сделала звук потише.

— Данюсик, — позвала из трубки Лида, — это я.

Как ты там, без меня? Мама передает тебе привет. Это я сразу говорю, чтобы потом не забыть.

— Спасибо, — сказал Данилов, — ей тоже.

— Как дела, Данюсик? Слушай, ты не помнишь, кто в этом году выиграл «Ю-ЭС Оупн»?

— Пит Сампрас.

— Да. Точно. Я целый день не могла вспомнить.

Данилов вежливо молчал.

— Я звонила, но тебя не было дома. Я думала, ты заедешь.

— Мы же не договаривались.

— Ну и что? Я за приятные сюрпризы.

Данилов вовсе не был уверен, что может быть приятным сюрпризом.

— Данюсик, а завтра ты что делаешь?

— Собираюсь съездить в дом, который проектировал. Там завтра никого не будет, мне нужно посмотреть кое-что. Это не надолго, часа на два. К вечеру освобожусь.

— Тогда пойдем вечером в Кремль! Начинается конкурс бальных танцев. Закрытый просмотр, все будут. Давай посмотрим немножко, а потом поедем куда-нибудь ужинать. Хорошо?

— Хорошо, — согласился Данилов. Ему, собственно, было все равно — танцы так танцы, ресторан так ресторан, «Ю-ЭС Оупн» так «Ю-ЭС Оупн».

— Я так устала, — пожаловалась Лида, — мама меня опять таскала в «Мариотт». У папы юбилей, ты же знаешь. Мы сто залов пересмотрели. Маме больше всего нравится «Мариотт», а мне «Гостиный двор». А тебе?

Данилов честно попытался поддержать беседу. В конце концов, вежливость — прежде всего.

— Я никогда ничего не отмечал ни там, ни там, поэтому трудно сказать.

— Ну вот, тебе даже сказать трудно, а я все это пересмотрела! И непонятно, зачем. Все равно мама

сделает так, как ей больше нравится. Когда у тебя будет юбилей, я тоже сделаю все, как мне нравится. — И она засмеялась.

— Ну конечно, — согласился Данилов. Почему бы ему не согласиться?

— Светлана Сергеевна звонила маме, — сообщила Лида. Светланой Сергеевной звали мать Данилова. — Сказала, что она тебя неделями не видит, что ты все время на работе, а Михаил Петрович опять какую-то премию получил в Париже. Ты знаешь?

— Знаю.

— А почему ты не был на вручении?

Его мать сообщила ее матери, что он отсутствовал, когда вручали премию его отцу. Данилову стало противно.

— Меня не приглашали, Лида, — произнес он холодно, — кроме того, до Парижа далеко, а у меня полно работы.

— Да ладно тебе, Данюсик, что за комплексы, — у нее был такой тон, что Данилов поморщился, — ты же не маленький. Ты не можешь обижаться на то, что твой отец — знаменитость.

— Лида, прости, пожалуйста, — быстро сказал Данилов, — у меня мобильный звонит. Во сколько завтра нам нужно быть в Кремле?

Он положил трубку, подумал и вылил остатки вина в чистый стакан.

— Бальные танцы? — спросила Марта, по-прежнему не оборачиваясь.

Он улыбнулся.

— Откуда ты знаешь?

— Весь Интернет в этих танцах. Завтра в Кремле большой бомонд. Поедешь?

— Поеду.

— Молодец, — непонятно похвалила Марта. — Оказывается, этот ужасный, который сопит в шлеме,

отец того, который летает на космическом истребителе.

Данилов посмотрел на экран и пристроился рядом с Мартой, подтянув безупречные складки на брюках.

— Это еще не все, — сказал он, — на самом деле он не ужасный, а добрый и хороший. Светлая сторона силы возьмет верх.

— Ясное дело, — согласилась Марта и хлебнула из его стакана. — А когда выяснится, что он хороший?

— В самом конце.

— Он совершит героический поступок и соберет килограмм макулатуры?

Данилов засмеялся и допил вино.

— Ну конечно.

— Ты что, смотрел без меня?

— Смотрел, — признался Данилов, — мне нечем было заняться, и я посмотрел.

— Ты вполне можешь не оправдываться, — сказала Марта негромко, — этот фильм смотрит все население земного шара в возрасте от десяти до восьмидесяти.

— Моему отцу дали какую-то премию, — Данилов посмотрел на ее шею с завитками оставленных волос. Почему-то ее шея его успокаивала, — а я даже не знал. Я сказал Лиде, что знаю, а на самом деле не знал.

Они помолчали. Данилов молчал просто так, а Марта сочувственно. Его отношений с родителями она никогда не понимала.

— Данилов, принеси мне мою сумку, — попросила она, не отрываясь от экрана, на котором эскадра космических истребителей затеяла галактическую войну, — а еще лучше достань из нее очки.

Данилов с готовностью поднялся.

— Где ты ее бросила?

Марта махнула рукой:

— Там где-то. Далеко. У входной двери.

Он вернулся через минуту и положил что-то на стол.

— Ну? — спросила Марта нетерпеливо. Эскадра дралась уже из последних сил. — Что, не нашел? Сумку? Или дверь?

Данилов молчал, и она оглянулась. На столе лежали ее очки, а у него в руках был длинный конверт.

— Что это такое?

— Где?

— Вот. Что это за конверт?

У него был странный, очень напряженный голос, и Марта встревожилась.

— Не знаю. Это я сегодня получила. Там какая-то ерунда написана. Я хотела выбросить и забыла. А что?

Данилов уже видел сегодня такой конверт.

Этот был неаккуратно разорван. Свой Данилов разрезал ножницами.

Ему не хотелось заглядывать внутрь, но он заглянул и, помедлив, вытянул четвертушку листа.

«Убийца должен быть наказан, пощады не будет».

— Ну вот, — сказала Марта поспешно, — это какой-то ненормальный прислал. Да что с тобой, Данилов?!

Он был уверен, что совсем не спал, но телефон зазвонил и разбудил его. Выходит, все-таки спал.

Прежде чем взять трубку, он посмотрел на часы и сразу понял, кто звонит.

— Доброе утро, мама.

— Доброе утро, — откликнулась мать после паузы. — Откуда ты знаешь, что это я?

Данилов вежливо промолчал.

В Москве восемь утра субботы. В Париже — шесть. Мать всегда встает в шесть, чтобы до завтрака успеть в тренажерный зал и вернуться к отцу, который терпеть не может пить кофе в одиночестве. Данилов помнил

себя с трех лет, и тогда все было точно так же. Кроме Парижа. Парижа тогда не было.

— Андрей, я хотела сообщить тебе, что твой отец получил премию французской литературной академии. Это серьезная награда.

— Я в этом не сомневаюсь, — пробормотал Данилов. Отец никогда не получал несерьезных наград.

— Я ставлю тебя в известность, что на будущую среду назначен прием в честь отца. Ты должен на нем присутствовать.

Данилов вдруг осознал, что встал с кровати и даже успел нацепить брюки, как будто мать могла его видеть.

— Мама, я вряд ли смогу прилететь в Париж. У меня много работы, и я ничего не планировал на будущую неделю.

— Ты и не должен ничего планировать, — почти перебила его мать, что с ней случалось крайне редко, — прием в Москве, в особняке в Воротниковском. Я все время забываю, как он называется.

Данилов понятия не имел, как называется особняк в Воротниковском, и моментально почувствовал себя тем, кем был на самом деле, — плохим сыном.

— Среда на будущей неделе, — повторила мать медленно, как будто Данилов был недоумком. — Запиши, пожалуйста, Андрей. Мы прилетим во вторник, и я не успею ничего проконтролировать, но прием организует Ольга, потому все должно пройти хорошо.

— Я постараюсь прийти.

— Нет. Ты не стараешься, а придешь. В конце концов, это просто неприлично.

— Что неприлично, мама?

— Неприлично, что ты так долго и так старательно игнорируешь свои обязанности, Андрей. На это уже обращают внимание.

— Кто обращает?

Мать промолчала. Она отлично умела не слышать того, что, по ее мнению, не нужно слышать.

— Лиду я пригласила, — проинформировала мать, — попросила ее освободить для нас вечер. Она вчера тебе не говорила?

Данилову вдруг показалось, что ему не около сорока, а одиннадцать. Он даже почувствовал запах — тот, который окружал его, когда ему было одиннадцать: полироли, ковров, дорогих французских духов и синтетической шерсти многочисленных зверей, которыми была уставлена его комната. Ему все время дарили игрушки, а он в них не играл. Не любил.

В тот день ему исполнилось четырнадцать. Он вернулся из школы и обнаружил, что в его комнате больше нет никаких игрушек. Он долго стоял посреди огромного почти пустого зала, в который превратилась комната, и не понимал, что могло приключиться с его зверями, — и сообразил наконец. Мать дала ему понять, что детство кончилось.

Таким образом, Данилов знал совершенно точно, когда кончилось его детство — в промежутке между половиной девятого утра и двумя часами дня, когда ему исполнилось четырнадцать лет.

— Спасибо, мама, — поблагодарил Данилов, — я мог бы пригласить ее сам, но все равно спасибо.

— Да, — согласилась мать. — Мне так спокойнее. Я никогда не знаю, чего от тебя ждать, поэтому мне проще все сделать самой.

«Например, пригласить мою любовницу проводить меня на светский раут, — подумал Данилов, — чтобы мне не пришлось в голову потеряться по дороге».

— И не забудь поздравить отца, — непререкаемым тоном, который так хорошо знал Данилов, напомнила мать. — Не обязательно лишний раз демонстрировать ему, что тебя не интересуют его успехи. Хорошего тебе дня, Андрей.

— Спасибо. До свидания, мама.

Кто сказал, что семья — это такое место, где все друг друга любят, жалеют, утешают и принимают такими, как есть? Семья — это худшее из испытаний, потому что получить по физиономии от чужих вовсе не так ужасно, как от близких. Чужие далеко, а близкие — рядом и точно знают, как ударить больнее, и занимают самые выгодные наблюдательные посты, чтобы выискать слабое место в обороне близкого и прорвать ее неожиданным стремительным ударом, после которого поверженному остается только хватать ртом воздух, тарашить бессмысленные глаза и до трех часов ночи придумывать «достойные ответы».

Данилов сел на край постели и потер руками лицо. Щеки кололись, а в глазах после бессонной ночи было как-то слишком сухо, хотя он позволил себе только три сигареты.

Только три сигареты за всю ночь.

Осторожно, стараясь не топтать, чтобы не разбудить Марту, он прокрался в ванную и долго стоял под душем, а потом старательно брился и чистил зубы.

Кто прислал записку? Данилов рассматривал в зеркале свое отражение, как будто чье-то чужое, и думал.

Почему ее прислали еще и Марте? Зачем? Прошло много лет, и Данилов сто раз давал себе обещание больше ни о чем не вспоминать.

Дня не проходило, чтобы он не вспоминал.

Нет. Он не вспоминал. Он просто не забывал.

Кому понадобилось напоминать ему таким способом? В отличие от Марты, он сразу понял, что записки прислал вовсе не сумасшедший.

«Ты убил ее! Ты во всем виноват, убийца, иуда!»

За пять лет он почти не встречался с родственниками жены. Кто-то из них решил наконец напомнить ему о себе таким способом? Ну ладно ему, а Марте? Марта при чем?!

Никакие родственники его жены, даже те, с которыми он встречался, ничего не могли знать о Марте.